

О „ТЕАТРАЛЬНОМ ОКТЯБРЕ“

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Десять лет прошло с тех пор, как однажды утром, в тихое, розовенькое здание Тео Наркомпроса, на Неглинной улице, вошел высокий, худой человек, в потрепанной солдатской шинели, обошел и внимательно осмотрел все комнаты, в которых многочисленные секции разрешали трудные академические и философские театральные проблемы, покачал недоуменно головой и сказал:

— Ну, и довольно! Пора подумать и о революции!

Это был Всеволод Эмильевич Мейерхольд, только что вырвавшийся из белогвардейского плена в Новороссийске и назначенный заведующим театральным отделом Наркомпроса.

Так началась тот удивительный период в истории советского театра, который значится под рубрикой «Театрального Октября». Его удивительность в том, что никто из его участников не подозревал, что произошла ошибка в календарных сроках, что это не октябрь, а только февраль, и что семена, бурно и трепетно разбрасывавшиеся тогда по потревоженной земле, прорастут только через 10 лет. Тогда казалось, что вот еще два-три усилия и старая театральная культура треснет, как старая прогнившая бочка. Увы! Это была иллюзия слишком нетерпеливых людей, и кто теперь бросит в них за это камень? Но основное оказалось верно предчувствованным. Ошиблись в сроках, но зато удар был направлен верно и метко.

Что застал Вс. Мейерхольд в Москве? Старые императорские театры, барственно и брезгливо поджав губы, продолжали играть «Князя Игоря», «Лакмэ», «Дочь Анго», «Сестер Кедоровых», «Дядю Ваню», «Узор из роз» и прочий дореволюционный репертуар, делая вид, что ничего особенного в стране не произошло, и что богиня Мельпомена все еще имеет свой излюбленный придворный театальный штат. На вопрос посетителя о том, может ли директор Малого театра, Александр Иванович Южин, принять его по неотложному делу, старый, вымуштрованный служи-

тель, с семью бакенбардами, в мундире с позолоченными императорскими пуговицами, неизменно отвечал:

— Их сиятельство еще не изволили прибыть-с!

Вся страна мучительно напрягалась в борьбе с белогвардейскими армиями; в Москве не было дров, артисты мерзли и голодали, но тепло и уютно было в «сиятельных» театрах. Сладострастно повизгивал «Собачий вальс» в Гос. Показательном театре, кликушествовала «Сакунтала» в Камерном, юродствовал «Царевич Алексей» у Корша и «божественной святостью» сиял «Царь Иудейский» в театре Незлобина.

В это время только что начавший жить театр Пролеткульта не мог найти помещения и умерал голодной смертью, а красноармейские московские труппы умоляли дать им толкового инструктора и подходящий репертуар. С решимостью отчаяния их представители врываются в тихие комнаты Тео Наркомпроса и наталкивались на мудрого и спокойного Вячеслава Иванова, который печальной тенью бродил по комнатам бесчисленных секций, как выходец из другого мира, и вопрошал:

— А куда же мы поместим, господа, древний греческий хор?

И вот тогда-то грянули первые театральные октябрьские громы. Большой, с глубокими впадинами щек, с туберкулезной раной на плече, с разваливающимися сапогами и огромным револьвером в кармане, заметался по комнатам Тео Наркомпроса Всеволод Мейерхольд и завопил истошным голосом:

— Да что же это такое? Или вы проспали революцию? Так мы вас разбудим!

Началась «гражданская война» на «театральном фронте». Был образован военный штаб и бой начался.

Вс. Мейерхольд, окруженный многочисленными друзьями-энтузиастами, выдвинул боевую идеологическую программу.

«Под маской аполитичности скрываются контрреволюционные тенденции. Геперешия театральная культура упадочна. Долой взгляд на театр, как на «пленительный сон» и отдых для усталой души, да здравствует театр мятежа, восстаний и бодрого призыва к новой жизни! Не бойтесь переделывать классиков, не бойтесь природы, ломайте театральные коробки и ставьте спектакли на площадях и в мастерских! В атаку на твердыни псевдо-академического искусства, потерявшего связь с современностью! Больше внимания провинции, самодеятельному театру и Красной армии. Создавайте мастерские коммунистической драматургии (маскомдрамы). Внесите физкультуру в искусство, свяжите его со всеми пуждами борющейся страны, научитесь быть простыми и сильными, и если вы играете Гамлета, то не забудьте, перед тем, как заколоть короля, коротким движением гибкой стальной рапиры сбросить с него корону!

Этой идеологии соответствовала и практика. Первым делом в провинции были брошены театральные, агитационные лстучки. Пролеткульту дано помещение в закрытом «Показательном театре» в Эрмитаже». Красноармейский самодеятельный театр был вант в театр Незлобина. Образован был «Театр РСФСР I», во главе которого встал сам Вс. Мейерхольд и его ближайший помощник Валерий Бебутов и в котором революционным спектаклем «Зорь», в день третьей годовщины Октября, был брошен вызов всем старым театральным устоям. Впервые здесь была снята рампа и боевые сводки с фронтов вмонтированы в действие пьесы.

Театр Корша был взят «ночной бурной атакой». В Театре Незлобина «переворот» произошел в ночь на 6 октября, и делегация от театра на другой день пришла к Мейерхольду и вручила ему ключи от театра. Когда читаешь теперь об этом в старых номерах журнала «Вестник Театра», то невольно улыбаешься, но тогда все это было действительно наполнено живой, горячей кровью и за всеми этими боевыми реляциями в самом деле билось страстно взволнованное сердце.

— Даешь революционный репертуар! Да здравствует Октябрь на театре!

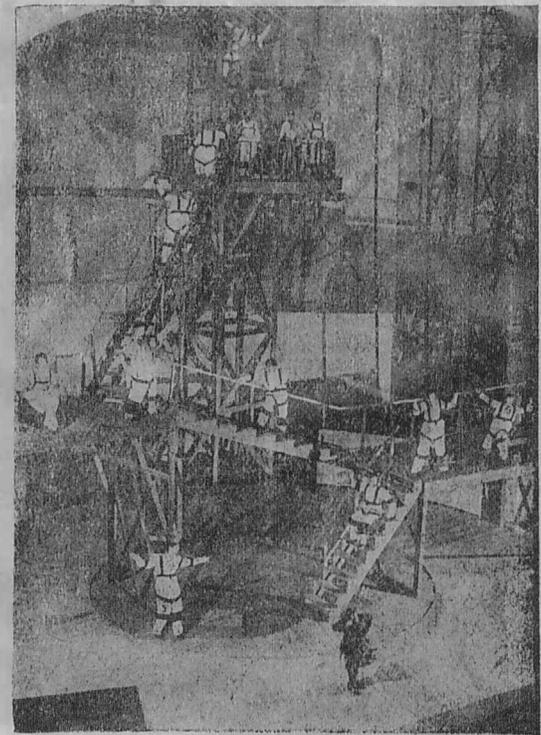
Орган Тео Наркомпроса «Вестник Театра» выкинул лозунг: «Кто есть жив человек — выходи!» Образовались две враждебные партии, ненавидевшие иступленно одна другую. Недавние друзья делались врагами, рвались личные связи и устраивались форменные сражения. Работники Камерного театра, где только что поставлено было мистическое «Благовещение», ринулись с ожесточением в театральную схватку и явились на диспут в театр Мейерхольда вооруженные ключами и свистелами с неистовством одержимых. Вс. Мейерхольд бежал по сцене и бросал свои взрывчатые ручные бомбы:

— Аполитизм в театре мы вырвем с корнем! От революции вы не спрячетесь! Вместо театров с эмблемами «часек» мы построим целую сеть театров с эмблемами красного знамени! Мы заставим вас заиграть по-новому...

На помощь Мейерхольду бросался В. Маяковский и, в ответ на вопли противников, трубил в свои иерихонские трубы:

— А? Дяди Вани и тети Мани, пришли? Свистите? Ничего! Мы вас пересвищем! Ваше дело дрянь! Последние денечки доживаете!

Увы! Дяди Вани живучи и их нельзя было взять навалерийским наскоком! Последний решающий бой разыгрался около стен Большого и Мало-

К десятилетию театра им Вс. Мейерхольда. Сцена из «Бани» (финал)

го театров. Вс. Мейерхольд потребовал их коренной реорганизации, и когда ему было в этом отказано, написал свою последнюю прощальную статью под заглавием «Я обвиняю», в которой бросил в лицо этим столетним театрам тягчайшие обвинения в том, что они забыли великие традиции Шекспира, Кальдерона, Пушкина, Гоголя, Сухово-Кобылина, сменив их на штампы и пошлость Невежиных, Тимковских, Потехиных и пр. эпигонов меццоанской драматургии.

Потянулись долгие годы позиционной войны, незаметной серой будничной работы по советизации дореволюционного театра, годы непрерывной стройки во всех областях жизни, хозяйственной и культурной. Перестраивалась экономика, затем уже перестраивались театры. «Театральный Октябрь» хотел перескочить сразу через этот барьер.

Но время созрело. Социалистическая реконструкция экономической и культурной жизни страны сейчас поворачивает всю систему театральную культуру лицом к широким, миллионным зрительским массам. Центр внимания работников искусств перенесен на те индустриальные и колхозные опорные пункты, в которых переплавляется старая Россия в страну социализма и в отечество для всех трудящихся мира.

Вот почему именно теперь всерьез стал вопрос о роли театра в нашей хозяйственной и культурной пятилетке. Вот почему призывы зачинателей «Театрального Октября» начинают осуществляться лишь теперь, когда за ними стоят не одиночки, а сотни тысяч работников профессионального и самодеятельного искусства.

М. Загорский.

К десятилетию театра им. Вс. Мейерхольда. Сцена из «Бани» (пантомима)